

Сегодня брянскому писателю Алексею Семеновичу Козину исполняется 70 лет.

Алексей Семенович Козин известен читателям и театральным зрителям как автор романов «Операция на сердце» (Приокское книжное издательство, 1970 г.) и «Рождаюсь вновь» (издательство «Современник», 1974 г.), а также как драматург, чьи пьесы «О самом дорогом», «Если в сердце весна», «Карташовы», «Это знает беззвезда», «Огонь людской» и другие с успехом шли на брянской сцене. И не только на брянской.

Наибольшую известность нашему драматургу принесла комедия «Если в сердце весна». После постановки ее в Брянском драматическом театре в апреле 1959 года ее включил в свой репертуар Московский театр имени Ленинского комсомола. Потом она была поставлена более чем в сорока театрах страны, и уже в первом сезоне — в 1959 году — она была показана в двадцати пяти театрах 756 раз и заняла шестое место в стране по количеству постановок из 180

пьес классиков, советских и зарубежных драматургов.

Еще об одной из самых первых пьес А. С. Козина известный драматург Ю. Чепурин писал: «Когда начинаешь читать одноактную пьесу Алексея Козина «Будет ли спектакль?», лишний раз убеждаешься в том, какая же это великая сила в искусстве и литературе — знание жизни, умение за малым увидеть большое. В пьесе Козина люди достоверны, ситуации правдивы. Легко и привольно персонажам потому, что в пьесе они чувствуют себя, как дома — все к месту...» (Газета «Советское искусство», 21 февраля 1953 г.)

Положительные отзывы в центральной печати на произведения А. Козина давали Г. Бровман, Ф. Журко, Б. Лавренев, Б. Привалов, В. Пименов, Н. Родичев, Г. Рыклин и другие известные писатели.

Встречая свой юбилей, Алексей Семенович закончил работу над второй книгой романа «Чтобы цвели подснежники». Сегодня мы публикуем главу из этого произведения.

НАМ БРОШЕН ВЫЗОВ

Отрывок из романа

У ТРОМ с кино папок под мышкой Колесников появился в наркомате тяжелого машиностроения. Он здесь не первый раз, все знакомо, но атмосфера показалась необычной, неправдоподобно суетной. Ему сказали: придется подождать. Сидя в коридоре, видел, как то и дело люди перешептывались, делали большие глаза и исчезали так же неожиданно, как появлялись, но не придавал этому значения. Был собран к разговору с наркомом, не давал себе расслабиться, не отвлекался. А прислушайся — без труда бы понял то страшное, что произошло в мире.

За восточной границей страны день начинается раньше на битый десяток часов. Там шестое августа шло уже к вечеру. В этот день само небо Востока, наверное, было кровавым. Американцы приказали своего президента выполнить: атомная смерть с борта самолета сброшена на Хиросиму. Большой город в какие-то секунды сметен. Смерч взрыва унес около двухсот тысяч жизней! Такого еще и в сказках не было. От одного воображения чернело, застыла, и августовское утро, и сама душа. Слова «Америка», «американцы» тоже потемнели, как запекшаяся кровь, — ими совершено преступление, преступление не века — веков!

Колесников ничего этого не знал. Он держал в руках папки, как дорогого ребенка. Каждая бумажка в них — документ на право потомственных бежгородских умельцев начать выпуск паровозов. С этой мечтой связана судьба всех и каждого в городе. Возрождение завода — это и массивы жилых кварталов, и школы, клубы, детские сады... Жизнь! ...Ждать пришлось долго. Суета в коридорах не унималась, что начало раздражать Андрея Егоровича.

Наконец-то пригласили его

к наркому. Мешковатый, большой, сгреб Колесников стопу папок, размахисто вошел в кабинет.

— Здравствуй, Андрей, — не отрываясь от бумаг на столе, проговорил нарком, назвав его так впервые. — Как здоровье? — В наркомате знали, что бежгородский директор вынужден был провести около месяца в деревне на отдыхе, у него с сердцем неважно.

Держа стопу папок в руках, вглядываясь в усталое, осунувшееся лицо наркома, Колесников шутил:

— Не будь здоровья, справишься ли с такой ношей?

Нарком встал, вышел из-за стола. Глядя открыто в глаза, попросил:

— Ты тот мой выговор близко к сердцу не принимай. Сейчас жизнь повернула так круто, что за такую смелую дерзость в деле, за риск награждать впору, а не наказывать. Будем считать выговор ошибкой.

Колесников, чтобы не молчать, примирительно протянул:

— Саперы и те...

— С той лишь разницей, — перебил нарком, — что саперы за ошибку платят своей жизнью, а я чуть было не залпятил твоей.

— А коль так... — он бухнул все папки на стол. — Давайте паровоз, и будем в расчете. — Громко, не к месту расхохотался.

Широкие, как рисованные, брови наркома взметнулись крыльями, открыл добрую улыбку в глазах. Пройдя за стол и сев в кресло, сказал:

— Хвались.

Колесников не сел. Несмотря на всю теплоту встречи, видел, что у наркома времени для него много не будет. Начал с того, что не требовало обстоятельных объяснений.

— Энергетическая база у нас теперь своя. — Подал тисненную фольгой папку. Нарком, не раскрыв ее, отло-

жил. Колесников протянул вторую: Металлургия... — Пока хвалиться нечем, слаба. Работает мартен, восстановленный еще партизанами, когда они вышли из леса. — Тут он торопливо поправился: — Но в начале года введем блок новых печей, более мощных.

«Козыри» на этом и кончились. Досадно поморщась, Колесников признался:

— Площади мало, задыхаемся. Для выпуска паровозов необходима хотя бы пристройка к сталелитейной формовке.

Нарком и в эту папку не взглянул.

Колесников, мешковато переминаясь с ноги на ногу, стоял с третьей папкой, боясь ее и подавать. Просящим, надтреснутым голосом произнес:

— Станочный парк разбросан по временкам. В уцелевших подвалах, в закутках...

— Нас интересуют ваши кадры, Андрей Егорович, — перебил нарком.

— Пожалуйста!.. — дрожащими руками, спеша, выхватил из стопки четвертую папку и развернул ее на столе. — Больше того, мы ждем наплыва людей из армии. И каких людей! Золото. Потомственные паровозостроители!

— С этим не торопись, — холодно отозвался нарком и, насупясь, пошел к окну.

— Не понял, — ошенил Колесников.

— Ты что, не слышал о событиях в Хиросиме?

— О какой Хиросиме?.. — Не только о событиях, но и слова такого никогда не слышал.

Рассказ наркома о далеком идущем атомном взрыве, о намерениях союзников говорить с нами теперь с позиций силы потряс Колесникова. Не спрашивая, он опустился на краешек кожаного кресла:

— В считанные секунды,

в миг убить город!.. Двести тысяч людей, детей и матерей...

— Факт остается фактом, Андрей. Американцы убили Хиросиму, пугая нас.

Колесников кипел.

— Цивилизованная нация... Умный народ... Они не могут не понимать, что кровь Хиросимы теперь не смоемся с их совести в веках!

— Не сменивай народ с Трумэнами, — оборвал нарком. Но Колесников не уступил.

— Президента народ избирает, вручая ему свою судьбу. Трумэн перед своим народом на иконе клялся. Или с этого и начинается обмен?

— Все гораздо сложнее, — не согласился нарком. — Президент восседает на колеснице, лошадей же управляет не он, хозяева, — и круто перевел разговор: — Обстановка, Андрей Егорович, такова: я сейчас ничего тебе не дам. Папки оставь. Но паровозы давай.

Колесников усталый, хлопает глазами, не понимает.

— Они открывают поход против нас, в том числе и экономического. Объявляют бойкот, — устало сказал нарком, не пряча глаза. — Послевоенная разруха. Не хотелось бы нам... Но нам брошен вызов! Мы обязаны создать противовес американцам — эту сумасшедшую бомбу. Иной смирительной рубашки для них нет, и, жестко колыну взглаголом, сказал без перехода: — А с тебя — паровозы. Любой ценой — па-ро-во-зы! Это ваш — бежгородцев — бой за чистое небо!

— Понял вас, — поспешно ответил Колесников, но в голосе была слышна неуверенность. Нарком подошел к нему, спокойно, по-отцовски сказал:

— Иного выхода, Андрюша, нет. С господами капиталистами можно здороваться за руку, пока не уступаешь в силе.